РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

№ 146

2002

В.А. МАТВЕЕВ

СЕПАРАТИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:

ГРАНИЦЫ ЯВЛЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX XX вв.

Москва
2002

ISBN 5-201-13758-x (7)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 146.

Редакционная группа:
В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 146

В.А. МАТВЕЕВ

СЕПАРАТИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
Границы явления на рубеже XIX – XX вв.

Об авторе

Матвеев Владимир Александрович - Преподаватель кафедры отечеств. истории новейшего времени Ростовского гос. ун-та. Автор публикаций об особенностях геополитики России в Евразии и на Кавказе, о специфике этнополитических процессов в южных ареалах России и в зонах смешанной восточнославянской колонизации.

About the Author

MATVEEV, VLADIMIR ALEKSANDROVICH

Assistant professor at the Chair of modern history of Russia at the Rostov-on-Don State University. Author of publications about specific features of Russian geopolitics in Eurasia and in the Caucasus, and of ethnopolitical processes in southern areas Russia and in zones of joint East Slavic colonization.

Summary

MATVEEV V.A. SEPARATISM IN THE NORTH CAUCASUS: ITS BOUNDARIES AT THE VERGE OF 19th – 20th Centuries.

Dynamics of ethnopolitical processes after the end of the Caucasian War are analyzed in the report. The author traces back specific features of integration processes in this region, demonstrating unstable character of the latter and inclination of a certain part of indigenous population to separatism. The conclusion, formulated in the paper, states that the strive for ethnic isolation had a limited scope at the verge of XIXth – XXth centuries. The author shows links between this desire for ethnic isolation and most extreme manifestations of social radicalism, extremism and terrorism.

Предлагаемая читателю работа несколько выбивается из заявленной тематики нашей серии. Тем не менее редколлегия считает, что рассматриваемые в ней вопросы очень тесно и непосредственно связаны с одной из острейших этнополитических проблем современной России, а именно чеченским кризисом. Автор на основе ранее не использовавшихся архивных и иных материалов предлагает свою концепцию его происхождения.

Редколлегия

Еще в конце Кавказской войны /1817-1864 гг./ русское командование предпринимало попытки выяснить «общую цифру неприязненного населения»[1], что позволило бы определить ее этнодемографический базис для истории, но они так и остались не реализованными. Это дает возможность изображать теперь противостояние горцев, как чуть ли не всеобщее, хотя какая-то часть их сообществ включилась в борьбу под влиянием непримиримых[2]. О численности последних, в свою очередь, невозможно судить по количеству попавших в Турцию, так как вместе с племенами, не хотевшими принять российское подданство, в переселение были вовлечены и горцы, отнюдь не враждебные России[3].

Немалая часть местных народов в эпохальном геополитическом противостоянии, имевшем, как признавалось когда-то, огромное значение в том числе для самого Кавказа[4], придерживалась пророссийской ориентации. Войну с Шамилем вели не только русские войска, но и сами горцы. Их действия неоднократно заслуживали высоких отзывов командования. Так, после ряда ожесточенных сражений в 1841 г. генерал П.Х. Граббе в приказе от 24 мая по поводу особо отличившейся в них горской добровольческой милиции констатировал следующее: «…милиция кабардинская, джарская и кумыкская соревновались в храбрости с казаками». В 1851 г. с отрядами двух наибов имама стойко вели борьбу мирные чеченцы и в ходе ее понесли весьма ощутимые потери[5]. Память об этом сохранялась достаточно долго, чему существует множество подтверждений.

В 1909 г., например, по случаю 50-летнего юбилея завершения «вековой борьбы в горах Чечни и Дагестана» наместнику графу И.И. Воронцову-Дашкову поступила «масса …приветственных телеграмм со всех концов… края» и других восточных областей империи[6]. Согласно программе, выработанной штабом Кавказского военного округа, в Гуниб, где проходили торжества, были приглашены многочисленные представители от всех туземных народов. Для подтверждения сказанного важно отметить и то, что они не только поддержали «могучее ‘ура’ русских войск», но и во время совместной с ними панихиды, совершенной по православным и мусульманским обычаям, молились «по своим героям, павшим в Кавказскую войну»[7].

На необходимость учитывать роль самих народов Кавказа в присоединении края к России впервые указал князь Мещерский в путевом дневнике, изданном в 1876 г., вскоре после ее окончания: «Кавказ был завоеван как оружием русских…, так и оружием туземцев Кавказа. На протяжении шестидесятилетней войны на Кавказе, мы видим, что в этих войнах всюду и везде отличались тамошние туземцы… Они дали в русских войсках целую плеяду героев, достойных высших чинов и знаков отличия»[8]. С.Ю. Витте, выдающийся государственный деятель России рубежа XIX-XX вв., также полагал, что нельзя игнорировать «…то значение, которое имели в покорении Кавказа туземцы…»[9].

Так считали до 1917 г. и политические лидеры местных народов. В 1912 г. депу-

тат Государственной думы от Дагестанской области Гайдаров на одном из заседаний с гордостью напомнил присутствующим: «…Кавказ присоединен к России благодаря исторически-естественным условиям; наравне с русским оружием, я утверждаю, с самого начала появления на Кавказе русских вместе действовали также и туземные войска. Само население Кавказа боролось против своих для присоединения Кавказа к России… В руках Шамиля находилось всего несколько округов Дагестана, а остальные боролись с русскими против самого Шамиля. Я утверждаю, что присоединение Кавказа к России было как русским, так и кавказским делом; это было дело не только русских, но в то же время и самого кавказского населения»[10].

Изложенные факты показывают, что Кавказскую войну необходимо воспринимать преимущественно как внутренний конфликт. Кавказ издавна относился к зоне цивилизационного разлома и вследствие этого испытывал двойственное геокультурное тяготение, основанное главным образом на религиозных различиях. На рубеже XIX в. Россия, следуя своему сакральному (духовному) предназначению в православном сообществе народов, оказала державное покровительство Грузии, а впоследствии и Армении и тем самым спасла единоверные народы от угрозы полного уничтожения. После этого Северный Кавказ превратился как бы во внутреннюю область империи, что впервые было признано в Гюлистанском мирном договоре с Ираном в 1813 г., положениями которого край рассматривался уже «навечно» в качестве неотъемлемой ее территории. Еще раз эта позиция Ирана была подтверждена в 1828 г. в Туркманчайском трактате. Тогда же по Адрианопольскому мирному договору приоритет российского влияния на Кавказе вынуждена была признать и Турция[11]. Остававшихся «непокорными» подчиняли силой, «по праву войны», отвечавшему признавшимся тогда в практике международных отношений нормам[12].

Что же произошло в понимании этой проблемы в дальнейшем? Для обоснования права на власть сначала при Временном правительстве, а затем при большевиках с 1917 г. геополитические интересы России в Евразии, и в частности на Кавказе, были сведены при дискредитации царизма к монистическим представлениям о ее агрессивных постоянных стремлениях расширять границы империи. Динамика этнополитических процессов в крае после завершения Кавказской войны в контексте российской государственной интеграции не изучалась вовсе.

Между тем, данные для выявления предрасположенности отдельных горских сообществ к сепаратизму в тех частях северокавказского края, где не было массовых выселений, все-таки существуют. Эти расчеты можно произвести по нагорным районам, являвшимся своего рода оплотом в противостоянии с Россией и с придерживавшимися ее ориентации туземными обществами. Но к анализу этнополитической ситуации здесь следует подходить с учетом следующих сложившихся различий. С нагорной полосы в западной части окраины коренное население было сселено и оставшееся в России компактно сгруппированно по этнической принадлежности на более плодородных землях на равнине в крупные аулы «для правительственного надзора»[13]. Тем самым вековая племенная обособленность, предопределенная условиями жизни в горах, была преодолена и создались условия для более быстрой этнической консолидации на основе «общих черт нравов и быта»[14].

В юго-восточной части окраины, в Дагестанской области, из-за исторических особенностей ее присоединения и этнодемографической обстановки было вообще сохранено прежнее территориальное деление, сложившееся еще в период тюркских завоеваний. Здесь 17% населения, в преобладающей степени тюркского происхождения, заселяло равнинные местности, а более 80% его, состоявшего из горцев, – нагорные[15]. Однако столь высокая концентрация населения в горных районах этой области не может служить в полной мере показателем его предрасположенности к сепаратизму. Позиции этого явления вследствие проводившейся политики были значительно ослаблены, что и обусловило успешное завершение вхождения этой части края в состав России с сокращением размеров взаимных потерь.

По признанию самого Шамиля, в войне с ней он «потерял свой народ». Незадолго

до сдачи в плен уже почти все население, когда-то подвластное имаму, изъявило покорность России вопреки мюридам и благосклонно встречало русские войска и их главнокомандующего, наместника его величества на Кавказе князя А.И. Барятинского. На его слова сожаления о том, что Шамиль не сдался раньше, последний ответил: «…Я не внял твоим советам, прости и не осуждай меня. Я простой уздень, тридцать лет дравшийся за религию..., но теперь народы мои изменили мне…»[16], что имам и назвал в качестве решающего обстоятельства прекращения борьбы.

В нагорной полосе Терской области сосредотачивалось наибольшее количество населения, перемещенного в ходе Кавказской войны и противостояния с Россией. Отчасти это произошло в результате выдвижения защитных казачьих линий и русских крепостей[17], предпринимавшегося в том числе для надежной защиты переходивших под ее покровительство мирных горцев. Но заселенность горных районов возрастала и из-за насильственных сселений сюда, производившихся самим имамом Шамилем для умножения своих сил, так как горские общества на равнине придерживались чаще всего российской ориентации. Это перемещение в наибольшей степени затронуло ряд чеченских обществ, часть из которых после включения края в состав России была вновь переселена на равнину с целью лучшего землеустройства[18], а также для преодоления неблагоприятной для утверждения государственной стабильности обстановки.

Тем не менее, в нагорной полосе Терской области осталось 28% коренного населения. Наибольшее же количество его, 72%, преимущественно признававшего подданство России, расселялось на равнине в прежних местах[19]. Это соотношение сложилось, как видно, в силу стечения ряда независимых от нее обстоятельств, и в какой-то мере фиксировало настроения «за» и «против» при включении в российские государственные пределы. Оно отражало также особенности этнополитической ситуации в этой части окраины после завершения Кавказской войны. Не случайно нагорные районы враждебно относились к населению из равнинных аулов[20]. Этот внутриэтнический антагонизм «верхних» и «нижних» складывался еще до начала утверждения позиций России в крае и умело использовался ее геополитическими противниками для достижения своих стратегических замыслов[21].

Вследствие же традиционных психологических установок и длительной соответствующей идеологической обработки самую устойчивую предрасположенность к сепаратизму, как можно судить по различным событиям, сохранили те горные общества, которые формировались в значительной мере имамом Шамилем из непримиримых. Концентрация их происходила в восточных пределах нагорного пространства, примыкавших к Дагестанской области, где, как показывают специальные исследования, расселялось до 40% (2/5) чеченцев и около 17% (1/6) ингушей. Остальную часть его по направлению на Запад занимали 33,3% (1/3) осетин, 67% (2/3) балкарцев и другие народы[22], в подавляющем большинстве не поддерживавшие противостояние с Россией и находившиеся вне консолидированной на основе идеи «священной войны» против нее демографической составляющей.

«Общая цифра неприязненного населения» в горах Северного Кавказа в массе всех проживавших там туземных сообществ, таким образом, превышала, скорее всего, предел 50-60%, однако под воздействием последующих интеграционных процессов постепенно сокращалась. На это оказывала влияние, безусловно, и та часть этнического поля, которая располагалась в равнинных местностях, при этом не последнюю роль в нем по законам статистики играли количественные показатели. Не случайно все, кто предпринимал попытки «волновать Чечню», как заметил еще в середине XIX в. публицист У. Лаудаев, занимавшийся сбором этнографических сведений о своем народе, «для достижения своих целей обращались сперва к плосткостным жителям, с твердой уверенностью, что горные последуют за ними»[23]. Но в ряде нагорных районов пороговые демографические величины создавали условия для сохранения консерватизма среды к восприятию интеграционных импульсов. В таких случаях воздействие имело и обратную направленность, при этом не исключена была, как видно, вероятность консолидации тех же чеченских

племен во всевозможных антироссийских акциях.

Отмеченное выше разделение находило проявление чаще всего в экстремальных исторических ситуациях. Так, в 1877-1878 гг. население нагорной Чечни под влиянием русско-турецкой войны поднялось на восстание, перекинувшееся вскоре на нагорный Дагестан и Ингушетию[24], а равнинные аулы, напротив, сохраняли нейтральное спокойствие или даже сочувственно относились к России. В этой войне многие горцы добровольно принимали участие уже на стороне последней[25]. Еще в конце XIX в. в нагорной Чечне при упоминании проповедниками имени Шамиля старики начинали плакать, вспоминая былые времена, а в равнинных аулах население в ряде случаев само пресекало попытки враждебной России пропаганды, выдавая властям распространителей идей религиозного и этнического сепаратизма, причем даже тех, которые выдавали себя за «имамов»[26].

Установленные подати оно платило «...повсеместно с чрезвычайной аккуратностью, в назначенные сроки и совершенно безнедоимочно…», что являлось «…доказательством прочности правительственной власти и проникшего в умы горцев сознания в бесповоротности слияния их с остальными подданными империи»[27]. В нагорных районах собирание налогов проходило, как правило, с затруднениями и не только, судя по всему, «по причине нужды»[28], ибо, как было замечено еще австрийской школой нациологии, достаточно авторитетной в начале XX в., «воинская и налоговая повинности служат существеннейшими признаками подданства»[29].

Неравномерность происходившей интеграции края в российское полиэтнонациональное государственное сообщество прослеживается и по различным народам. К революционному движению 1905-1907 гг. ингуши, например, отнеслись совершенно не так, как осетины. Они не только не примкнули к нему, как отмечалось в оперативных сводках из полицейских участков, но в самый разгар нарастания социальной нестабильности послали к генерал-губернатору Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска Колюбакину достаточно многочисленную депутацию от всех селений с выражением верноподданнических чувств и даже «с предложением услуг своих для борьбы с врагами правительства». Не замечалось и их солидарности с чеченцами, также как не было ее в данной и в иных кризисных для российской государственности ситуациях и между всеми остальными горскими сообществами Северного Кавказа[30].

Впрочем, ингуши, видимо, имели особую предрасположенность к патернализму, подтверждая это неизменно при возникновении соответствующих обстоятельств. Так, в 1911 г. они организовали в Назрановском округе вооруженную дружину для отправки на пароходе из Баку в Иран в помощь бывшему шаху[31]. Однако последний эпизод был скорей всего лишь незначительным отступлением от общей направленности этнополитического развития в составе России. Тем не менее, он указывает на наличие сохранявшегося цивилизационного раскола, так и не преодоленного на рубеже XIX-XX вв., что не учитывалось тогда должным образом при организации управления.

Хотя в тот промежуток времени туземное население Северного Кавказа оставалось ко всем событиям в странах зарубежного мусульманского Востока, как сообщал в С.-Петербург наместник его императорского величества И.И. Воронцов-Дашков, «совершенно равнодушным», а «…отдельные попытки проповеди панисламизма и пантюркизма» в его среде не имели никакого успеха[32], возможности воздействия этого сопредельного региона на стабильность в крае не были еще полностью изжиты. Наблюдались и отдельные случаи «ожидания турок» для начала восстаний против России[33]. Но доминирующей выступала все же тенденция на признание подавляющим большинством горских обществ ее своим отечеством, о чем свидетельствуют заверения в «горячей любви» к ней, делавшиеся неоднократно, что весьма показательно, в наиболее «трудные исторические моменты»[34].

Широкое распространение при их возникновении получали проявления преданности верховному правителю России как своего рода символу государственно-политического единства. Этот настрой у верующих своей конфессии поддерживала и значительная часть мусульманского ду-

ховенства, собственно говоря, как и на других восточных окраинах, в частности, в Туркестанском крае. В обращении видных северокавказских деятелей ислама к Николаю II в 1906 г. содержалось заверение: «Мы, российские мусульмане… будем служить нашему … царю и его трону также верно, как служили ему наши отцы и деды…»[35]. «В честь государя императора» по приговорам горских обществ возводились мечети, как это сделали, например, тулатовцы в 1907 г. «в память благополучного избавления от покушения на его жизнь». Такие инициативы, как правило, замечались и вызывали незамедлительный отклик монарха. На телеграмме, присланной по этому поводу генерал-губернатором Терской области, он наложил резолюцию со словами искренней благодарности[36].

Ходатайства о выражении «верноподданнических чувств и всеподданнейших поздравлений» императору в огромном количестве поступали наместнику от чеченского, ингушского и дагестанского народов и в связи с трехсотлетним юбилеем династии Романовых, торжественно отмечавшемся в России в 1913 г.[37]. В отчетном послании царю граф И.И. Воронцов-Дашков сообщал, что на Кавказе «празднование… прошло по всем, даже глухим уголкам, … с таким истинно высоким подъемом патриотических чувств…», вследствие чего, по его мнению, «не должно оставаться сомнения в безграничной благодарности кавказского населения венценосным вождям России за приобщение …под сень Российской державы»[38]. Вместе с тем, некоторые эффендии и муллы, например, в Кубанской области продолжали возбуждать население против «…существующего строя… и правительства». Они всячески стремились поддержать вражду к русским там, где она ещё существовала, и вели для этого соответствующую пропаганду[39].

Интегрированность в российское общегражданское полиэтнонациональное пространство, равно как и незавершенность этого процесса в среде туземного населения края, со всей наглядностью вскрывалась и при появлении внешних экстремальных для империи обстоятельств на рубеже XIX-XX вв. Так, с началом русско-японской войны в 1904 г. областные правления Кубанской, Терской и Дагестанской областей после получения уведомления от главнокомандующего Кавказской армией, допускавшего возможность формирования горских полков, незамедлительно довели разрешение до сведения всех старейшин с просьбой собрать полные сходы и приступить к набору тех, кто хотел бы постоять за отечество[40].

Несмотря на то, что мусульмане Северного Кавказа ранее не подпадали под закон о всеобщей воинской повинности, выплачивая взамен лишь небольшой налог, и соблюдалась, как и прежде добровольность комплектования туземных подразделений, на сборные пункты только в Кубанской области, по подсчетам А.Д. Вершигоры, желающих служить прибыло в 1,5 раза больше, чем требовалось, хотя в аулы направлялась предварительная разнарядка[41]. Быстро была организована ингушская сотня[42]. В комплектовавшиеся в Дагестанской области соединения записалось немало добровольцев и из нагорных селений.

Воззвание о начале войны на Дальнем Востоке разъяснялось муллами на арабском языке во время проповедей в мечетях. Некоторые из них вели также соответствующую агитацию, пробуждая патриотические чувства в массах, или молились со своими прихожанами за успех русского оружия в нелегком для страны испытании. Торжественно, с принятием присяги по своей вере и молебнами, происходили и проводы новобранцев. Их семьи освобождались от повинностей, а в ряде округов сельские общества по инициативе сходов выделили им даже участки земли, несмотря на то, что в ней существовала острая нужда по всему краю. Из аульных общественных сумм в значительной мере покрывались и расходы на сборы.

Однако часть горских обществ, преимущественно в нагорной полосе, равнодушно отнеслась к призыву и отказалась дать добровольцев. В донесениях сельские старшины жаловались в таких случаях на неотзывчивость соплеменников и просили продлить срок вербовки. Те же горские соединения, которые попали на фронт, стояли насмерть за Россию и в сражениях несли большие потери[43]. Замечая их стойкость в боевых операциях, русские офицеры в своих донесениях в высшие воен-

ные инстанции неоднократно отмечали, что наступил момент распространения на них закона о воинской повинности. Об ингушах, например, отправивших в Маньчжурию 1904 г. в составе Терско-Кубанского полка отдельную сотню, в рапорте, поступившем в С.-Петербург, сообщалось, что «они показали себя с отличной стороны как в боевом отношении, так и в смысле дисциплины»[44].

При наметившемся накануне Первой мировой войны обострении международных противоречий, в том числе и в регионе, лидеры различных национальных партий и групп Кавказа поспешили довести до сведения высших правительственных кругов и самого монарха, что их политические устремления полностью совпадают с «традиционной ролью России на Востоке»[45]. В 1914 г., как только было объявлено о ее начале, для защиты отечества против австро-германского нашествия большинство горских обществ также выставили свои подразделения в составе русской армии, сформированные по всему Северному Кавказу на сугубо добровольной основе. Разрешение на это поступило в наместничество в Тифлисе и затем было направлено на места.

Участие в их создании приняли еще более широкие слои населения и вместо двух, укомплектованных в 1904 г., было образовано шесть полков Кавказской конной туземной дивизии: Дагестанский, Ингушский, Кабардинский, Татарский, Черкесский и Чеченский. В среде посылавших их народов и после завершения мобилизационных мероприятий высказывались намерения «о пламенном желании стать на защиту… родины»[46]. Немалое количество горцев изъявило желание принять участие в военно-оборонных работах и охране военнопленных. Указ Николая II о принудительном наборе для этих целей так и не был введен в действие по настоянию краевой власти и отменен вскоре после его издания в 1916 г. Но и после этого ее представители, полагаясь на имевшиеся в их распоряжении сведения о бытовавших настроениях, надеялись «получить добровольно до 80 тысяч мусульман» для обеспечения функционирования тылов русской армии[47].

На фронтах горские соединения, также как и все остальные инородческие части, комплектовавшиеся на Северном Кавказе, вновь проявляли героизм в сражениях на равных с другими ее подразделениями. В строю оставались даже раненые. В суровых испытаниях неоднократно делались восторженные признания: «Наши! Кавказцы!». То, что это являлось показателем побуждений, основанных на осознании необходимости исполнения гражданского долга перед общей родиной, подтверждают сравнения с зарубежным опытом. Следует заметить в этой связи, что славянские воины в австро-венгерской армии были крайне ненадежными и имели повышенную предрасположенность при первой же возможности «сдаваться в плен русским». Если им это удавалось, на противоположной стороне они встречали сочувствие и поддержку, в качестве пленных не рассматривались, получая полную свободу перемещения[48].

С началом войны в самой Австро-Венгерской империи, в отличие от Российской, отчетливо обозначились признаки распада. Турция же при проведении мобилизации вообще не смогла собрать даже небольшие отряды из среды населявших ее пределы христианских народов, так как в ней повсюду тоже нарастало недовольство, прежде всего в не мусульманских анклавах, ускорилось их отпадение от османского владычества. Сходная обстановка складывалась и в арабских странах. Не преисполнялись особо «доблестью и усердием» в той же войне и колониальные соединения, выставлявшиеся крупнейшими европейскими метрополиями Англией и Францией против своих геополитических соперников в масштабном всемирно-историческом вооруженном противостоянии[49].

Укрепление у туземного населения северокавказской окраины на рубеже XIX-XX вв. признания России своим отечеством отразилось, в том числе, и в стремлении поддержать ее в глобальном противоборстве с могущественными враждебными державами в 1914 г., получившем достаточно массовый характер. Это стремление прослеживается по широкому спектру ретроспективных парадигм. Различные слои горских обществ, например, и в этом случае демонстрировали свое единство с верховной властью. У некоторых из них, также как и у русских, проис-

ходили при организационном содействии местных элит промонархические сходки и манифестации, поднимавшие «патриотический дух» и соответствующие порывы всемерно способствовать достижению намеченных внешнеполитических целей, содержавших, как известно, и намерение окончательно освободить от турецкой зависимости исповедовавшие православие народы. Наиболее часто такого рода акции происходили у осетин.

Офицеры из среды различных северокавказских этнических сообществ, в том числе и чеченцы, находившиеся на императорской службе, нередко прилюдно исполняли гимн «Боже, царя храни!», стараясь в меру сил оказывать влияние и на своих однородцев[50]. Распространявшиеся на российской мусульманской периферии изъявления «верноподданнических чувств» к себе и державе, Николай II, несмотря на возросшую занятость государственными делами, не оставлял без внимания. Так, на поступившее сообщение из Терской области о поддержке караногайцами усилий России в наступивших нелегких испытаниях, генерал-губернатору был дан без промедления ответ: «Передайте … мою сердечную благодарность за выраженную … преданность, за заботы о наших раненых воинах и за пожертвования на нужды войны»[51].

С массовой поддержкой России со стороны туземного населения этой наиболее пестрой по этническому составу области Николай II столкнулся и во время поездки на Кавказский фронт осенью 1914 г. При посещении г. Владикавказа он специально по этому случаю принял депутацию от кабардинцев, осетин, ингушей, чеченцев, кумыков, салатавцев и кара-ногайцев. Подобные встречи происходили и в других частях края. В Ставропольской губернии, в частности, на станции Минеральные Воды он принял посланцев от калмыков, туркмен и ногайцев[52].

Настрой на единство с Россией на этом сложном и не определенном для будущего страны этапе старалось всячески формировать и высшее мусульманское духовенство. По прибытии монарха 25 ноября 1914 г. в г. Дербент с приветствием к нему в присутствии депутации от Дагестанской области, состоявшей из мулл, старшин и почетных лиц всех округов, обратился на кумыкском языке, с которого был сделан перевод, один из видных религиозных деятелей З.Б. Тарковский. В восторженной речи он особо выделил такую фразу: «Любовь к Царю и любовь к Отечеству есть неразрывные части мусульманской веры»[53].

Со своей стороны, глава российского государства, находясь в это время на Кавказе, своим поведением всячески подчеркивал личное уважение к мусульманской религии. В г. Тифлисе он нашел возможность для общения с представителями высшего мусульманского духовенства, посетил шиитскую и суннитскую мечети, выслушал стоя на коленях молебны на арабском языке. В его присутствии закавказский муфтий свою молитву закончил словами: «Да благословит тебя, государь, всевышний царь-царей на мудрое, долгое и счастливое царствование, на благо своих подданных и на страх врагам твоим»[54] .

Однако в наступивших для России испытаниях какая-то часть мусульманского духовенства северокавказской окраины занимала и иные позиции. В этой связи следует более подробно рассмотреть исторически сложившуюся здесь этноконфессиональную ситуацию.

В начале XX в. в этом регионе существовало более 2-х тыс. мечетей, а в составе населения мусульманское духовенство достигало 2%, тогда как все духовенство – около 3%[55]. Это соотношение показывает, что у туземной части населения идеологическое поле было несравненно более сильным, чем у восточнославянской, выступавшей своего рода государствообразующим началом. Мечети являлись владельцами вакуфных земель, размеры которых существенно различались и нередко соответствовали экономическим показателям крупных феодальных имений. По социальным признакам было неоднородно и мусульманское духовенство[56].

Высшие его прослойки состояли из крупных собственников[57], низшие – из мулл и кадиев крестьянского происхождения, в среде которых в свою очередь встречались зажиточные и беднейшие слои[58]. В последнем случае мусульманское духовенство по своему положению не отличалось от остальной массы трудового народа. В сельских обществах на мулл и кадиев часто возлагались админи-

стративные обязанности, а там, где отсутствовали аульные правления, они вели и служебную переписку. Исполнявшее управленческие функции низшее духовенство подчинялось старшинам. В силу своего положения оно оказывало наибольшее влияние на религиозный быт и политические настроения мусульман северокавказской окраины[59], занимаясь не только организацией молитв в мечетях, но и ведая практически всеми сферами культурной и правовой жизни[60].

Деятельность низшего духовенства, несмотря на предпринимавшиеся усилия, после завершения Кавказской войны так и не была поставлена под эффективный контроль властных структур и мусульманских центров /муфтиатов/ империи. Создание соответствующего религиозного управления в крае тормозилось рядом обстоятельств и хотя в нем, как подсказывал опыт, существовала настоятельная необходимость, решение данного вопроса постоянно откладывалось. Между тем, даже в ходатайствах самого населения нередко отмечалось, что проповедями занимаются священнослужители, не знающие основ ислама, имеющие сомнительную репутацию и распространяющие вредные для стабильности государства учения[61].

Не в последнюю очередь вследствие этого не была достигнута идейная пророссийская консолидация мусульманского духовенства северокавказской окраины, чем в значительной мере и объясняются, на наш взгляд, различия в его позициях с началом Первой мировой войны. Эта разобщенность являлась также своего рода отражением сохранявшегося этнополитического и цивилизационного разлома, предопределявшего когда-то неодинаковые позиции туземных обществ при установлении единства с Россией и не преодоленного за полвека нахождения в ее составе.

Некоторые муллы заканчивали молитвы в мечетях в 1914 г. призывами: «Да изгинет род русского царя!», предсказывая в пророчествах, по свидетельству Х. Ошаева, основанному на личных воспоминаниях, неизбежный приход турок – «людей с черным флагом». По его утверждению, у какой-то части туземных обществ Терской области, преимущественно в горных чеченских селениях, объявление войны было встречено «…с тайным ликованием, с ожиданием всяких бед русскому начальству…». Под воздействием религиозных проповедей враждебного содержания фанатичные массы «радовались каждой неудаче русских войск и печалились при неудачах Турции»[62].

Еще накануне событий 1914 г. турецкая агентура активизировала свою деятельность, прикрываясь якобы существовавшими намерениями «исламского просвещения» и объединения «всех мусульман для прогресса», чем, собственно говоря, и стремилась привлечь симпатии единоверцев. Оставаясь вне сферы надежного административного и идеологического контроля, эта зона, расположенная в дополнении ко всему в горах, по-прежнему сохраняла повышенную склонность к сепаратизму, что, безусловно, учитывалось заинтересованными в разрушении целостности России силами не только внутри страны, но и за ее рубежами. Тем не менее, исходя из приведенных демографических показателей необходимо признать: наибольшая опасность заключалась не в этом. Складывавшиеся здесь настроения могли распространиться и на какую-то часть населения равнинных местностей.

Между двумя сопредельно расположенными составляющими одних и тех же этнических обособлений в крае, несмотря на несовпадение государственнополитической ориентации, иногда в критических ситуациях намечалось взаимодействие, а это могло способствовать расширению масштабов нестабильности. Выделяя существование такой вероятности на основе изученных фактов А.И. Хасбулатов также пришел к выводу, что жители равнинных селений «…повинуются русскому правительству, но на них отрицательно действуют проживающие по соседству ‘непокорные’ соотечественники, и власти боятся, что при удобном случае они перейдут на их сторону»[63]. Для предотвращения такой вероятности в указанный промежуток времени принимались меры. Однако они заключались лишь в увеличении численности гарнизонов, примыкавших непосредственно к нагорной полосе Терской области укреплений Ведено, Шатой, Воздвиженской и др.[64], но при этом недооценивалась возможность противопоставления нараставшей угрозе иных более гиб-

ких подходов, в частности, патриотического потенциала отечественного мусульманства.

То, что можно было использовать для ослабления и нейтрализации локальных деструктивных проявлений на Северном Кавказе этот фактор, как в региональном, так и в более широком, российском, его отражении, подтверждает следующее. В отличие от европейских или азиатских империй, с наступлением экстремальных для России обстоятельств на ее окраинах, за исключением отмеченных районов Северо-Восточного Кавказа, не замечалось стремления к отделению. На эту особенность обратил внимание в 1910 г. автор общего обзора «Инородцы» в обстоятельном издании, включавшем в себя описание еще двух крупнейших универсалистских образований: Австро-Венгерского и Германского.

Напротив, подчеркивает Л. Штернберг, среди российских мусульман «мы не видим никаких сепаратистских тенденций … все они проникнуты твердым убеждением, что только в единении со всеми народами России… каждая народность обретет свое попранное право…». Подметил он и то, что «происходившее сближение мусульман всех областей России преследовало интересы чисто духовные…, в центре сближения опять-таки стояла Россия…». На основе изученных документов, Л. Штернберг приходит к заключению, что «ни в один момент… истории связь инородцев с Россией не была столь крепка духовно, как в годы освободительного движения»[65]. И, добавим со ссылкой на проведенный анализ, при возникновении внешних военных катаклизмов, которые, казалось бы, должны были дестабилизировать обстановку на ее восточной периферии.

Показательно в этом отношении и одно из обращений представителей духовенства к мусульманам Северного Кавказа в 1920 г. В нем, кроме призыва «… на основании Шариата… молиться Богу о сохранении здоровья Верховному правителю адмиралу Колчаку, генералу Деникину и за успех работы сыновей России, жертвующих собой для блага Родины», содержалось побуждение единоверцев к «работе над восстановлением Великой России». При этом напоминалось им следующее: «Дети наши наравне с русскими учились в русских школах. Двери российских высших учебных заведений, как … военные, так и гражданские были открыты… Россия для нас не мачеха, а любящая мать, и, помня это, мы должны довериться ей, ибо она поведет нас по правильному пути, как вела… до сих пор»[66].

По всей видимости, русская администрация, состоявшая в начале XX в. преимущественно из управленцев нового призыва, постепенно утрачивала прежние весьма взвешенные и осторожные подходы к принятию политических решений. Когда-то, например, с учетом того, что Кавказская война сопровождалась сменой кодов цивилизационного развития, связанной с распространением ислама и вытеснением адатов, ставка была сделана на поддержку складывавшихся веками местных этнокультурных ценностей и той части населения края, которая вела борьбу с Шамилем за их сохранение. Действовал принцип «адат против шариата»[67].

Для своего времени он был, несомненно, исторически справедливым, так как многие горские общества очень долго не хотели отказываться от привычных адатов и оказывали сопротивление распространителям шариата, принимавшее порой весьма ожесточенные формы. В ряде случаев аулы брались мюридами по несколько раз и прекращали противостояние лишь после значительного опустошения. Священная война велась поэтому и против тех горцев, которые не принимали ислам и рассматривались вследствие этого в качестве неверных[68], что учитывалось при укреплении позиций России в крае в тех весьма противоречивых и сложных условиях.

Большое значение придавалось также тому, что адаты не имели религиозного подтекста, и, следовательно, не существовало препятствий для их изменений и кодификационного совершенствования, тогда как какие-либо изменения в шариате невозможны исходя из его канонического содержания. Эта разновидность права относилась уже к прерогативам «совести и верования мусульман», вмешательство в которые считалось недопустимым. Предпринятая мера, направленная на укрепление обычного права (адатов) и связанной с ним традиционной идеологии, не преследовала вместе с тем цели ликвидировать шариат, она лишь сужала сферу примене-

ния. Его ведению были оставлены вопросы исключительно духовного свойства[69].

С 1905 г. архаическое народное право начало вытесняться из государственных структур, а официальную поддержку получил тогда принцип «шариат против адата»[70]. Мусульманство вновь было признано более предпочтительным и быстро стало укреплять свои позиции. Однако, несмотря на это, практика совмещенного применения обычаев (адатов) и норм религиозного характера (шариата) продолжала сохраняться[71]. Как видим, представители русской администрации на Северном Кавказе на протяжении длительного времени вели поиск оптимального варианта идеологии и использовали этот фактор для укрепления государственно-политической стабильности. С наступлением Первой мировой войны ставка стала делаться еще в большей степени преимущественно на результативность карательных силовых операций в случаях возникновения смуты.

Организацией ее здесь в 1914 г. занимались вышеназванные государства, особенно Германия, всячески поддерживавшая усилия Турции, своей союзницы по геополитическим устремлениям, «освободить Кавказ от русской власти». Отклик это находило лишь в ряде специфических местностей, не подвергшихся в силу ряда причин, в том числе из-за географических условий среды, устойчивой интеграции в систему российских общегражданских отношений. Но в горах Дагестана он был еще менее значителен, хотя восприимчивость к такого рода пропаганде у населения сохранялась[72].

Таким образом, заверение наместника его императорского величества на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова в 1913 г. по случаю упомянутого уже трехсотлетнего юбилея правления династии Романовых о том, что «…никаких сепаратистских идей в мусульманской массе возникнуть не может…»[73], не во всем соответствовало действительности. Неполное же знание обстановки не способствовало принятию во всем адекватных мер при обострении тех или иных проблем. Тем не менее, с приведенным утверждением с оговорками можно согласиться в главном: предрасположенность к отделению от России на том этапе отнюдь не являлась преобладающей как в крае в целом, так и в северных его частях, включая те, которые вошли в российское государственное пространство вследствие Кавказской войны. Но интегрированность в него туземных обществ не была всеохватывающей и полной.

Данная реальность получала выражение и при проявлениях в различных формах социального радикализма, когда происходило более устойчивое и масштабное взаимодействие горских и иных народов этой окраины с восточнославянским этническим массивом, служившим для неоднородной по национальному составу империи, как уже говорилось, государствообразующим началом, что позволяет с большей степенью достоверности судить о глубине протекавших в ее пределах объединительных процессов. В различных акциях протеста, направленных на изменение сложившихся в стране порядков, горцы и русские на рубеже XIX-XX вв. нередко выступали совместно[74]. Так, на митинге 8 декабря 1905 г. на станции Минеральные Воды присутствовавшие горцы обещали содействие рабочим в их борьбе и даже вошли в сформированную дружину, пояснив свои действия тем, что «готовы поддержать это дело, раз оно необходимо для блага народов России»[75].

А на совместном съезде казаков и горцев в самый разгар разгула революционной стихии было принято воззвание, в котором сформулировано весьма красноречивое предостережение: «В настоящее смутное время рознь между чеченцами и русским народом опасна. Вредные люди могут воспользоваться ею, пустить недобрые слухи и сильно ухудшить положение, как тех, так и других»[76]. При изучении революционного противостояния в России 1905-1907 гг. еще М.Н. Покровский, одним из первых начавший внедрять классовый подход в историческую науку в 20-е годы XX в., обратил внимание на следующее: «Польская и Финляндская революции… не были органически, тесной внутренней связью связаны с русской. Связь их с движением Центральной России была больше внешняя. С Кавказом мы попадаем в русло революционного течения, уже гораздо более органически связанного с русской революцией»[77].

Сделанное М.Н. Покровским наблюдение о неравномерности воздействия революционного первотолчка на окраинную периферию опиралось, судя по всему, не на схематическую заданность, основанную на абсолютизации так называемого интернационализма, а на вдумчивое сопоставление фактов в контексте происходивших в 1905-1907 гг. событий. По горячим следам их развития эту органическую связь отмечали и представители народов Кавказа, в частности, на заседаниях Государственной думы. В их выступлениях указывалось не раз на то, что «…освободительное движение, идя из России, захватило светлыми волнами и … горы!»[78]. Это же влияние выделялось неоднократно и в рапортах ответственных за стабильность в крае чиновников разных уровней служебной иерархии. В них также признавалось, что «…революционная пропаганда стала распространяться среди туземного населения, проникая даже в отдаленные от местных центров… аулы»[79].

Под воздействием получавших в России в той или иной степени признание революционных идей, привносивших в эпоху элементы привлекательной новизны, наметилось ослабление религиозного фанатизма и в тех районах, где он был после завершения Кавказской войны наиболее сильным[80]. Тем самым реальность обнажала со всей очевидностью огромную значимость идеологического фактора в процессах государственной консолидации, особенно в зонах сложившихся в прошлом цивилизационных разломов. Не получал у горцев сколь-нибудь существенной поддержки и призыв «Кавказ для кавказцев!», выдвигавшийся некоторыми представителями туземных политических группировок соответствующей направленности, главным образом в Закавказье[81]. Не произошло каких-либо изменений в данном отношении и в условиях нарастания революционного кризиса в 1917 г.

Даже такой видный деятель националистической северокавказской зарубежной диаспоры как А. Авторханов, вынужден был признать в изданной в 1990 г. книге «Империя Кремля», что и после крушения монархической формы правления «…ни один из нерусских народов не заявил о своем выходе из состава … России»[82]. На том переломном для нее рубеже многие посланцы с Кавказа высказывались на различных съездах и совещаниях против обособления от «единого отечества … отдельных частей», призывали «к спасению общей родины», возрождению мощи армии и настаивали на мерах, способных «…остановить процесс разложения русской государственности». Они заявляли о единстве «с русским народом и с другими народами, населяющими великую страну», о наличии в этой связи «единого российского народа с единой целью» и об отсутствии после произошедших перемен «инородцев в России»[83]. Но на рубеже XIX-XX вв. на Северном Кавказе существовали и сепаратистские устремления, которые нуждаются в обстоятельном специальном рассмотрении.

Сепаратизм классифицируется современной наукой как стремление к обособлению в той или иной форме в пределах какой-либо территории, чаще всего движение попятное и деструктивное[84]. В прошлом он был связан нередко и с социальным радикализмом, точнее, с его наиболее крайними проявлениями. Одним из них на Северном Кавказе на рубеже XIX-XX вв. выступало разбойничество, пережиточный феномен, с давних пор существовавший в крае, но имевший разные терминологические обозначения. У дагестанцев разбойников называли качагами, у чеченцев абреками и т.д.[85]. Необходимо заметить, что подобный феномен не являлся каким-то этнополитическим исключением и наблюдался в разных формах в иных местностях империи, например, в Бессарабской губернии[86], и когда-то – в российской глубинке. Но горское разбойничество отличалось неповторимым колоритом и представляло своего рода устойчивую традицию. Имея у различных народов большую или меньшую степень развитости, она, вместе с тем, воплощала в себе много общих региональных черт[87]. Также, как и все другие отечественные и зарубежные аналогии, северокавказское разбойничество до сих пор не изучено.

В 20-х – начале 30-х гг. XX в. это явление рассматривалось как революционный «...стихийный протест горцев против угнетения»[88], своеобразная разновидность «классовой борьбы..., национально-освободительного движения горцев, партизанской, террористической формой его...»[89].

Некоторые авторы в тот период, напротив, отрицали возможность отождествления горского разбойничества с революционным движением, указывая на отсутствие его «сношений с какими-либо революционными организациями»[90] или признавали его как движение сугубо «...народническое, террористическое...»[91]. Вскоре эта тема из-за официального изменения отношения к народничеству именно по причине связанности его с террористическими методами достижения политических целей оказалась как бы под запретом и, за редким исключением, в исторической литературе не поднималась. Возвращение к ней произошло лишь в 60-е гг. XX в. Однако каких-либо существенных отклонений от сложившейся ранее версии в осмыслении природы горского разбойничества не произошло, и оно по-прежнему оценивалось как разновидность стихийного протеста «против национально-колониального угнетения царизма»[92]. Под таким же углом зрения воспринималось и среднеазиатское разбойничество в разные периоды своего самовыражения[93].

Но приведенные выше суждения вряд ли соответствуют действительности, так как это явление считал злом и Шамиль. В пределах своего имамата он вел с ним беспощадную борьбу, сурово «наказывая виновных по шариату». Впоследствии, находясь уже в русском плену, Шамиль вспоминал, что «…много людей… казнил… за их скверную натуру, за грабеж и за разбой…»[94]. Тем не менее и ему уничтожить это зло, от которого страдали сами горцы, оказалось не под силу[95]. Ограблению как-то в одном из походов подвергся и сам имам Шамиль, причем даже со стороны тех, «кем… предводительствовал»[96]. «Разбоев и грабежей» в крае не наблюдалось лишь после окончания Кавказской войны, хотя служившие опорой газавата против России непокорные районы в нагорной полосе Дагестана и Чечни были только что включены в ее состав. Через непродолжительный период представители русской власти вновь столкнулись с этим явлением и вынуждены были приложить немало усилий к прекращению деятельности отрядов /шаек/ абреков Атабая, Вары и др.[97].

Прежнее отношение к разбойничеству в имамате местным населением было забыто и наиболее «отважные и удачливые» из них, по утверждению А. Шерипова, примкнувшего в ходе революционного противостояния 1917-1920 гг. к большевикам и внесшего в качестве представителя чеченского народа существенный вклад в умиротворение края, «…считались продолжателями дела Шамиля и мюридов»[98]. С конца XIX в. горское разбойничество стало усиливаться и в начале XX в. с появлением особо выделившегося на этом поприще абрека Зелимхана обрело невиданный до этого размах, получив в оперативных сводках и в печати наименование «зелимхановщины»[99]. Неуловимость Зелимхана в течение многих лет, с 1901 по 1913 гг., стяжала ему, как сообщалось в донесениях в С.-Петербург, «...славу среди туземцев, а громкие успехи сделали его народным героем»[100].

О Зелимхане в этой связи слагались песни и в нагорных селениях Чечни ему даже было присвоено прозвище «наместника гор», как бы в противовес наместнику его императорского величества на Кавказе[101], в чём также находило выражение стремление к сепаратистской обособленности. Он, как рассказывали очевидцы, исчезал в горах даже, казалось бы, в самых безвыходных ситуациях, находясь в плотном окружении, используя для этого знание местности. Отряды Зелимхана находили также укрытие и действовали на территории ряда равнинных горских обществ северокавказской окраины. Замечали в нем и некие способности магического воздействия на окружающих. Похищенный разбойниками и выкупленный затем на волю овцевод А. Месяцев, делясь своими впечатлениями, особо отметил «силу … молитвы» их предводителя. По его словам, когда Зелимхан «…громким голосом произносит священные слова Корана... все участвующие в намазе... рыдают»[102].

Несомненно, он не лишен был определенных качеств организатора, патерналистского притяжения для сподвижников и в какой-то мере благородства. Зелимхан ценил мужество и в отдельных случаях, восхищаясь храбростью русских офицеров, преследовавших его отряды, проявлял к ним великодушие, если они при каких-либо обстоятельствах попадали к нему в плен. Соблюдая в обращении с ними вековые обычаи горского гостеприимства,

он оставлял им личное оружие во время бесед и оберегал от своих, не допуская расправы[103]. Что касается «помощи ... беднякам», приписываемой разбойникам, к какой бы национальности они не относились, то сведения об этом основываются преимущественно на слухах, циркулировавших среди соответствующих социальных слоев и, как правило, не поддававшихся проверке. В упомянутых изданиях 20 – начала 30-х гг. XX в. они приводятся также без необходимых подтверждений, что позволяет усомниться в действительно широком распространении этих акций. Скорей всего они были единичны, носили главным образом показной характер и, в свою очередь, способствовали тому, что при необходимости разбойники, спасаясь от преследований, «растворялись» в среде мирных жителей, находя укрытие в ряде аулов.

Так что здесь можно усмотреть даже определенный расчет, исходивший из своекорыстных побуждений, вводивший массы в заблуждение и порождавший иллюзии у части населения в восприятии опасного для общества пережиточного по сути наследия, сохранившегося от прошлого. Представления «о многочисленных случаях помощи бедноте» существовали и в отношении разбойников, действовавших в других местностях империи. Так поступали, например, вожаки дагестанских качагов Джавад-оглы и иные[104]. Однако недавние исследования показали, что добытые в ходе нападений немалые средства шли не на «народные нужды», а прежде всего «…на организацию новых убийств, … грабежей, … закупку оружия и т.д.». Удовлетворялись из них и материальные потребности участников[105]. Тем не менее рассматриваемую проблему не стоит примитизировать. Она отражает в региональном контексте Северного Кавказа явление более устойчивое и масштабное. Это относится и к личности самого Зелимхана, признававшейся легендарной.

Созданная при Государственной думе специальная комиссия, у которой «…ограбленные и пострадавшие искали защиты», пытаясь разобраться в имевшихся в ее распоряжении весьма скудных сведениях, неоднократно ставила вопрос: «Кто он? Какие обстоятельства превратили его в абрека?». Прийти же к однозначному выводу с привлечением лишь «косвенных улик» из-за конспиративности действий разбойников она так и не смогла. Входившие в ее состав депутаты терялись в догадках, высказывая предположения о давлении «социальных условий», о протесте «угнетенного этими условиями туземного населения Кавказа». Склонялись они и к тому, что Зелихман – «простой шантажист, грабитель и убийца, корыстный и жестокий…», прошедший «…серьезную школу преступности», а «…частые операции, по преимуществу ночные, выработали в нем … ловкость», обеспечивавшую неуловимость. Признавался в нём и «более сложный психологический тип, внутренний мир которого составляется из многих слагаемых, где дурные инстинкты переплелись с известными политическим задачами…»[106].

Как бы там ни было, Зелимхан оставался обыкновенным разбойником, преследовавшим главным образом узкие цели. Его вряд ли правомерно сравнивать с личностью имама Шамиля, выразившего смысл своей борьбы в кратком изречении: «Я простой уздень, тридцать лет дравшийся за религию…»[107]. Тем не менее после поражения он смог возвыситься над прежними убеждениями и признать ошибочность войны против России, что также, как и другие качества, указывает на широту его человеческой натуры, безусловно, выдающейся. Зелимхан же оправдывал свои действия лишь «обидой на несправедливости властей» и данной однажды клятвой «кровью отомстить… начальнику Терской области за взятие в плен и ссылку его семьи и семьи… брата»[108]. Для понимания сути его деятельности данное объяснение вряд ли можно рассматривать как исчерпывающее, так как эта мера административного воздействия выступала своего рода реакцией на разбои, хотя и сомнительной по правовым критериям.

Практика заложничества имела, как известно, широкое распространение и с той, и с другой стороны в ходе Кавказской войны, однако в изменившихся условиях в начале XX в., когда край без каких-либо исключений являлся уже составной частью России, она не могла быть эффективной в достижении задач государственной стабилизации. В этом случае, видимо,

не совсем удачно задействовались весьма устойчивые тейповые отношения, составным элементом которых являлась ответственность за своих родственников. Такое положение, вопреки предписаниям шариата, сохранял в создаваемом имамате и Шамиль, требовавший за бежавшего преступника наказывать его близких, друзей и даже односельчан[109]. Наряду с этим использовался и архаический принцип круговой поруки населения за проступки членов общества[110], применявшийся также в центральной России.

Вместе с тем, традиция предполагала и месть за членов рода (в рассматриваемом контексте – тейпа, но данные понятия не имеют полного тождества) при соответствующих обстоятельствах, поэтому на Северном Кавказе такие подходы давали чаще всего обратные результаты. Вследствие этого не в последнюю очередь в ряде случаев намечалось противостояние власти, происходило на какие-то периоды этнополитическое сплочение в противодействие ей даже при отрицательном отношении к разбойничеству среди значительной части туземного населения в равнинных аулах. Это позволяло Зелимхану лишь получать сочувствие в различных слоях общества, основанное на жалости к потерпевшему. При таком положении чеченцы интересовавшимся его местонахождением либо ничего не говорили, либо убежденно заявляли, что «Зелимхана население никогда не выдаст властям»[111]. Но его борьбу вряд ли можно отождествлять с крестьянской и относить его к «крестьянским бунтарям»[112].

Для крестьянских выступлений присуща так или иначе связанность с интересами сельскохозяйственного производства, для разбойников, предводимых Зелимханом, побуждением к действиям выступали обычные экспроприации, то есть передел собственности. Их набеги имели разную направленность, в значительной мере не связанную с насущными потребностями этой социальной группы. Хотя нужно признать, именно из ее представителей, преимущественно из нагорной полосы Терской области, некогда являвшейся в совокупности с нагорной частью Дагестанской области оперативной базой Шамиля в войне против России, горское разбойничество вбирало в себя людские ресурсы, но превращаясь затем в оторванную от сельскохозяйственного труда корпоративность. Следует заметить, что нападениям подвергались поселения, расположенные как на русских, так и инородческих территориях, жители которых непосредственно были заняты в аграрном секторе экономики и своим трудом создавали материальные ценности.

Органами управления всех уровней отмечалось неоднократно, что на путь разбоя горцев подталкивало малоземелье[113]. Это, безусловно, в чем-то соответствовало действительности. Нагорная полоса Северо-Восточного Кавказа наиболее интенсивно заселялась имамом Шамилем еще по ходу войны с Россией преимущественно теми горцами, которые поддерживали идею газавата против нее[114]. Какая-то часть обществ, проживавшая там изначально (автохтонно), составляла основу затянувшегося почти на полвека конфликта и также подверглась соответствующей идеологической обработке. Представители русской власти после прекращения вооруженного противостояния организовывали сюда во второй половине XIX в. неоднократные выезды, в том числе и в самые отдаленные районы, для разъяснения покоренному населению, что его «право земельной собственности», вызывавшее у горцев наибольшую обеспокоенность, «национальные и религиозные чувства» и т.д. будут неукоснительно уважаться и соблюдаться. Кроме того, бывшим сподвижникам Шамиля давались заверения, что после прекращения борьбы все, «...независимо от национальности, являются верноподданными гражданами России»[115].

Были предприняты усилия и к разрешению проблем их социально-экономического обустройства. Это предусматривалось «в числе прочих мер для органического единения горских народностей с Россией». Признавалась и важность установления правильных поземельных отношений у туземного населения, включенного в состав империи, выделения для него при необходимости земель, оставшихся после выселения части горцев в Турцию. При этом наместник его императорского величества на Кавказе того периода великий князь А.И. Барятинский, обеспечивая проведение соответствующей политики, руководствовал-

ся убеждением, что «только при строгой определенности поземельных прав каждого» станет возможным «действительное побуждение к сельскохозяйственному производительному труду». По его мнению, привязанность к земле сделает туземное население «в полном смысле оседлым, расположенным к гражданскому развитию…». Для этого были созданы поземельные комиссии, «приступившие к работе с такой энергией и осмотрительностью, – как писал С. Эсадзе, – что в большей части горских обществ... земельный вопрос получил разрешение, сообразно с экономическими интересами различных народностей и целями правительства»[116].

В 60-70-е гг. XIX в. туземным народам были сделаны значительные прирезки земельных угодий в предгорных и плоскостных частях края. Причем, это касалось прежде всего тех обществ, которые до этого веками жили в горах и при сохранении прежнего геополитического порядка не могли бы иметь иной экономической перспективы. Так, например, была в значительной степени устранена нужда в земле у карачаевцев, в результате чего они смогли основать много новых аулов. Участки для них, как и для других народов, тогда выделялись периодически до тех пор, пока сохранялась возможность. В ряде случаев приращение территорий для занятий мирным сельскохозяйственным трудом оказались весьма существенными[117]. Попытки устранить остроту земельного вопроса на Северном Кавказе предпринимались вплоть до 1917 г.[118]. Утверждения о вытеснении в горы коренного населения и преднамеренном нежелании русской власти разрешить проблемы его социально-экономического обустройства искажают, как мы видим, реальность и не являются объективными. Именно они получили наиболее широкое распространение в отечественной исторической науке в советские десятилетия и сохранили свои позиции в ней, к сожалению, до сих пор.

Вместе с тем, после окончания Кавказской войны было произведено определение сословных прав внутри туземных обществ и уничтожено крепостное состояние там, где оно существовало до установления российской юрисдикции, а зависимые сословия у горцев «получили права личные и имущественные». В процессе преобразований удалось отселить с прежних мест в крупные аулы на равнину и часть «воинственных» или, как их еще иначе называли, «немирных» горцев[119], чем объясняется, на наш взгляд, тот факт, что и здесь разбойники имели некоторую поддержку. Эпизодические перемещения на контролируемые Россией территории, начатые на Северо-Восточном Кавказе еще при А.П. Ермолове[120], проводились неоднократно вплоть до полного умиротворения края, и они в какой-то мере привели к размыванию прежней установившейся по ходу противостояния линии, разделявшей различные устремления, в том числе и на обособленность, в среде одних и тех же этнических общностей. Однако значительная часть тех, кто участвовал в конфликте на стороне Шамиля, не была затронута этими перемещениями.

Оставшееся же только в нагорной полосе Терской области население с конца XIX в. до 1917 г. увеличилось на 36,6%, тогда как в Дагестанской области этот показатель составил всего лишь 23,5%[121]. Возможности его обеспечения землей уже не существовало, так как распределение земель в пределах всего северокавказского региона еще во второй половине XIX в. завершилось[122], а право земельной собственности, в том числе в отношении самих горцев, охранялось законами империи. Между тем, процессы обезземеливания различных категорий сельского населения, не исключая и казачества, набирали силу. Однако в нагорной полосе они принимали угрожающие размеры. Если во второй половине XIX в. наиболее распространенными здесь были наделы, не превышавшие 0,5-1,2 десятины при норме для края в 5 десятин, то к 1917 г. из-за прироста населения они сократились соответственно до 0,01-0,3 десятин. В равнинных селениях, где земли преимущественно были высокого качества, наиболее распространенными являлись наделы 6-9 десятин, соответствовавшие норме, а минимальные составляли 1-2 десятины[123].

Информируя об этом Николая II после целого ряда предпринимавшихся усилий исправить положение наместник на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков 15 марта 1908 г. сообщал в С.-Петербург: «Голоса о земельной нужде стали раздаваться почти во всех уголках Терской области, с этим

вопросом нельзя не считаться». Характеризуя обстановку в крае, он обратил внимание монарха и на то, что «недостаточность земельных наделов особенно ощутительна в горах…». Но, по его же признанию, «…ничуть не лучше в этом отношении и положение туземцев на плоскости, поземельное устройство которых считается законченным. Здесь, вследствие естественного прироста населения и семейных разделов, а также большого притока временно проживающих выходцев с гор, душевые наделы настолько уменьшились, что совершенно недостаточны для продовольственной нужды населения»[124]. На остроту возникшего состояния аграрного кризиса оказывали влияние и происходившие структурные изменения в сельском хозяйстве, начавшиеся еще во второй половине XIX в. Земледелие к 1913 г. давало 82% валовой продукции этой отрасли экономики, а животноводство – только 18%[125].

И.И. Воронцов-Дашков указывал и на настоятельную потребность преодоления неблагоприятной экономической ситуации «для сохранения престижа русской власти среди туземного населения Северного Кавказа», что способствовало бы, безусловно, ослаблению социальной базы сепаратизма даже в тех частях края, где он имел наибольшее распространение. По убеждению наместника, «наделение землей горцев Кубанской и Терской областей … должно укрепить у них веру, что отечество о них заботится». После прочтения его обращения Николай II сделал надпись: «Все это очень правильно»[126]. Тем самым было продемонстрировано единство государственной власти в проведении официального курса. Наиболее приоритетным направлением при этом являлась нагорная полоса.

С 1905 г. была предпринята, таким образом, еще одна попытка устранить там положение земельного неустройства, для чего по распоряжению наместника его императорского величества на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова было образовано в г. Тифлисе особое совещание «из компетентных лиц», а в 1906 г. – Комиссия для детального исследования на месте положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Северо-Восточного Кавказа, включая и нагорную территорию карачаевского народа в Кубанской области, завершившая работу лишь в 1908 г. Собранные ею материалы совместно с выработанным законопроектом обсуждались затем в областных правлениях Терской и Кубанской областей, которыми были даны заключения, учитывавшие в том числе пожелания самого населения. После этого они поступили на рассмотрение образованного в г. Тифлисе междуведомственного совещания, заседавшего с перерывами в 1909, 1910 и 1911 гг.[127], что свидетельствует о серьезности намерений в решении проблемы.

На эти совещания были приглашены представители населения нагорной полосы «для дачи необходимых объяснений». По итогам их работы было сделано заключение: «Скорейшее оформление этого дела имеет кроме решающего значения для самих жителей, существенное государственное значение, как для охраны земельных интересов плоскостного населения, так и в смысле поддержания порядка и спокойствия в крае»[128]. Выверенный же и отредактированный проект закона о землеустройстве нагорных местностей Северного Кавказа с подробной пояснительной запиской наместника графа И.И. Воронцова-Дашкова был представлен в С.-Петербург, где он еще раз был подвергнут тщательному обсуждению в специально сформированном в столице междуведомственном совещании под председательством члена Государственного совета сенатора А.П. Никольского, замещавшего наместника его императорского величества на Кавказе в высших государственных установлениях[129]. Выводы, тем не менее, еще на предварительной стадии получились неутешительными.

Землеустройство населения в нагорной полосе оказалось невозможным, так как пригодных для возделывания земель здесь было всего 20%, такое же количество, около 22%, было и в Дагестанской области[130]. Прирезки земли для него, также как и в равнинных аулах, были все же сделаны, но они оказались незначительными[131]. Предпринимавшиеся попытки поиска новых массивов земель в пределах края наталкивались на серьезные трудности и требовали времени. Одним из серьезных препятствий, существенно ограничивавших возможности снятия остроты аграрного вопроса, было следующее. Согласно

утвердившейся ранее практике российского владычества на Кавказе, право собственности на земли, в том числе приобретенные здесь силой оружия, удерживало государство, чтобы для укрепления стабильности использовались традиционные представления мусульман о том, что «единственным собственником подвластных ему земель является турецкий султан, а русский царь выступает как преемник его верховных прав»[132]. Поэтому земли на северокавказской окраине считались казенными, переданными земледельцам лишь во временное пользование, сельским обществам они отводились на праве общественного пользования[133]. В нагорной полосе аграрные отношения строились преимущественно на праве обычаев (адатов)[134].

За крупными землевладельцами оставлялось право частной земельной собственности[135]. Размеры привилегированного феодального землевладения на северокавказской окраине достигали 65%[136], в Закавказье – 67%[137]. Высшим сословиям туземных обществ было сохранено существовавшее ранее социальное положение[138]. Однако они пользовались только некоторыми льготами, присвоенными русскому дворянству, и не были признаны в правах этого сословия[139]. С 1913 г. «высшим классам населения Кавказского края» было предоставлено в честь трехсотлетия династии Романовых «потомственное дворянское достоинство». Этому акту придавалось большое политическое значение[140]. Проводившаяся политика, в целом, неизменно способствовала укреплению крупного землевладения, и при возникновении социальных конфликтов оно получало государственную поддержку, что порождало недовольство и по отношению к власти[141].

Между тем, ликвидация феодальных привилегий лишь благоприятствовала бы прогрессу и решению аграрной проблемы в интересах большинства населения. В период вхождения края в состав России проведение таких преобразований в ряде случаев повышало ее авторитет и усиливало притягательность перспективы ее подданства. Определенные надежды с 1906 г. возлагались на столыпинскую аграрную реформу. Наместник неоднократно настаивал на начале ее проведения на Кавказе[142]. Это также, как предполагалось, должно было «объединить Кавказ с Россией», где землевладение на праве собственности уже получило преобладание над другими формами владения землей[143]. Осуществление этого изменения предусматривалось на общих принципах земельной политики[144]. Но с учетом специфичности местных условий, закон о закреплении за крестьянами общинной земли в частную собственность был распространен на инородческие административно-территориальные образования Северного Кавказа чуть позже, чем в центральных губерниях России[145].

Поскольку земли на этой окраине принадлежали государству, то при закреплении всех без различия земель в собственность, не исключая и нагорные районы, они на общих основаниях облагались выкупными платежами[146]. Устанавливались выкупные платежи и при прекращении отношений феодальной зависимости, носивших вплоть до 1913 г. в некоторых районах даже публично-правовой характер[147]. Но в этом случае государство частично их погашало, а крестьяне попадали от него на неопределенный период в экономическую зависимость[148]. Земли церковные, мечетские и вакуфные отграничивались отдельно[149]. Столыпинской аграрной реформой было намечено также постепенное прекращение кочевого скотоводства в крае и переход к более совершенным его формам[150].

Таким образом, реформа также укрепила позиции крупных землевладельцев и в некоторой степени усугубила положение. В ней сочетались элементы прогресса и регресса. Внедрение закона о частной собственности на землю, заимствованного из опыта развития стран Запада без учета цивилизационных особенностей России, на ее северокавказской окраине усилило обезземеливание крестьянских масс и не остановило нарастание деструктивных процессов. Просчеты становились все более очевидными. В 1909 г. была произведена корректировка проводимой политики. В наместничество на Кавказе и на места были разосланы подписанные П.А. Столыпиным циркуляры, в которых содержались рекомендации считаться с климатическими и географическими условиями, и в тех случаях, когда община экономически целесообразна, не производить ее разрушения. На Северном Кавказе это осо-

бенно касалось нагорной полосы[151]. Тем самым была предпринята попытка исключить радикализм в преобразованиях и дальнейший ход аграрной реформы поставить в зависимость от естественного эволюционного отбора.

Несмотря на это, сила инерции сохранялась. Пользуясь правительственной поддержкой, крупные земельные собственники продолжали захват общинных пахотных и пастбищных угодий, повышали плату за аренду, прекращали сдачу земель нуждающимся вообще и т.д. В этой связи подавались многочисленные жалобы в краевую администрацию, в различные инстанции в С.-Петербурге и самому монарху. Социальная напряженность на Северном Кавказе не снижалась. С 1910 по 1913 гг. по краю прокатилась волна восстаний, которые так или иначе были связаны с последствиями аграрной реформы. В ходе их происходил отказ выполнять прежние повинности, захватывались земли и т.д.[152]. Наиболее массовым среди них было, например, выступление кабардинских крестьян в 1913 г. из-за Зольских участков, перешедших в собственность, охватившее постепенно до 3 тыс. человек. В самом начале движения собравшиеся дали при мулле клятву на Коране «действовать заодно». Владельцам восставшие заявили, что «пастбищные земли даны государем императором всему… народу, а конезаводчики, получившие участки на Зольке, лишили все население лучшей части пастбищной земли, чем учинили ущерб их скотоводству». Реакция властей по-прежнему была предельно жесткой и права собственников были надежно защищены[153].

Однако малоземелье части горского населения не дает исчерпывающих объяснений природы разбойничества, получившего широкое распространение на Северном Кавказе на рубеже XIX-XX вв. Так, дагестанские крестьяне, возмущенные действиями чеченских абреков в 1917 г. в отношении русского населения, заявили: «...У нас меньше земли, но мы не идем её захватывать»[154]. Проведенный анализ показывает вместе с тем, что неправомерны отождествления обычных проявлений социального радикализма, имевших направленность на решение внутренних для страны проблем, и отмеченной крайней его вариации со своеобразными, несхожими с обычными для аграрных выступлений, установками. В первом случае смыкание происходило с общегражданскими революционными акциями протеста, во втором – трансформация была сложнее и находила разнообразное воплощение в протекавших событиях.

На то, что действия разбойников на Северном Кавказе в начале XX в. не подпадают в полной мере под категорию обычных крестьянских выступлений указывает то, что они, в частности в вайнахской этнической среде, в ряде случаев представали и как «своего рода коммерческая организация», созданная преступным сообществом, в которой существовала даже «своеобразная иерархия». Во всех местностях Кавказа абреки Зелимхана облагали через своих агентов налогами различные предприятия, рыбные промыслы, отдельные крупные и мелкие хозяйства, зажиточных граждан и т.д., которые под воздействием террора нередко соглашались отдавать часть прибыли или унаследованного состояния, не надеясь на помощь власти. Обложение соответствовало, как правило, их достатку, а владельцам гарантировалась безопасность от возможных нападений и грабежей. Нарушений таких обещаний почти не наблюдалось[155]. В этом отношении северокавказское разбойничество имело немалое сходство с бессарабским или новороссийским, существовавшем в империи в тот же период.

Но в отличие от него, северокавказское было явлением все же более распространенным и масштабным. Действуя отрядами от нескольких десятков, реже до сотни человек, разбойники быстро собирались для осуществления своих мероприятий, неожиданно появляясь то в одном, то в другом месте края, а затем внезапно исчезали[156]. Объектами их «грабежей и разбоев» обычно являлись правительственные учреждения, сельские и станичные правления, банки, казначейства, усадьбы крупных земельных собственников, частные и государственные промышленные заведения, воинские посты и подразделения и т.д.[157]. Постоянным нападениям с их стороны подвергались железные дороги, следовавшие по ним поезда грабились. Интенсивность этих акций особенно возросла с 1914 г.[158].

Действия разбойников вследствие этого неизбежно сопровождались разрушениями

средств производства, приводили к подрыву производительных сил на северокавказской окраине России, нанося огромный экономический ущерб, и нарушали государственно-политическую стабильность. В этой связи неслучаен был и интерес русских анархистов к горскому разбойничеству. В феврале 1911 г. в Терскую область приезжали от них из г. Ростова-на-Дону два студента и при помощи нескольких чеченцев, сочувствовавших анархизму, виделись с Зелимханом. Через переводчиков они объяснили ему основополагающие программные идеи русского анархизма и, встретив полное одобрение разбойника, вручили ему четыре бомбы, красный флаг и специально заготовленную печать как своего рода символы причастности к их движению.

После боя во время одного из разбойных нападений в сентябре 1911 г. в Андийском округе на месте была найдена дорожная сумка Зелимхана, в которой среди различных планов и печатей была найдена печать, подтверждавшая его симпатии к российским анархистам. На печати по кругу была сделана надпись: «Группа кавказских горных анархистов-террористов. Атаман Зелим-хан»[159]. В центре его выделялось изображение скрещенных двух винтовок, пересеченных сверху вниз шашкой и обращенных к месту пересечения дулами справа и слева двух револьверов[160]. Такое сочетание оружия в дополнение к надписи усиливало ее смысловую нагрузку, подчеркивая «беспощадность мести и террора» как изначального основополагающего идеала объединяемого сообщества.

Содержание данной символики показывает неплохую осведомленность русских анархистов, которые внимательно, судя по всему, следили за ситуацией в стране и в крае, свидетельствует об особенностях данной разновидности социального радикализма на Северном Кавказе, заключавшихся в постепенном расшатывании государственной централизации и, как следствие, целостности страны. Видимо, не случайно в составе разбойничьих отрядов, например, в нагорной части Дагестанской области, замечались и русские[161]. Анархизм, как учение об обществе, в основу которого положена идея безвластия, уничтожения государства, утверждения добровольной ассоциации граждан, и признающее в качестве руководящего начала только во-лю отдельной личности, был, в свою очередь, привлекателен для разбойников. Его последователи в борьбе за реализацию своих представлений на переустройство общества также отдавали предпочтение террору и экспроприациям.

Но анархизм в России был, вместе с тем, неоднороден и аморфен, что находило выражение в целом ряде специфических, порой существенно отличавшихся друг от друга доктринальных ответвлений. Так, анархо-синдикалисты предлагали опереться на беспартийные рабочие профсоюзы. Течение во главе с лидером Я. Махайским исходило в своей деятельности из наличия «всемирного заговора господ и интеллигенции против рабочих». Наиболее активные террористические формы социального протеста проповедовали участники движения, получившие по сплотившему их печатному органу название «чёрнознамёнцев», и анархо-коммунисты («хлебовольцы»), выступавшие за всеобщую забастовку «в городах и деревнях».

Именно первые своей главной задачей считали создание широкого массового анархистского движения, а существовавшая внутри них группа «Интернационал» бомбами благословляла акции возмездия. Второе направление в период революции 1905-1907 гг. распалось еще на несколько подразделений, среди которых в связи с рассматриваемой проблемой наибольший интерес представляют так называемые «безначальцы», отстаивавшие необходимость террора и грабежей для разрушения самодержавного строя и отрицавшие какие-либо критерии нравственности. Достигнуть «царства свободы» они надеялись при помощи организации беспощадной «кровавой народной расправы» с теми, кто находился у власти, используя для этой цели в том числе «мятежные шайки» из безработных и люмпен-пролетариев. В начале XX в. в российском анархизме в большом количестве появлялись и обыкновенные отряды грабителей, имевшие сугубо индивидуальные названия «анархистов-террористов» и др.[162].

Поэтому можно лишь предполагать, что контакты с северокавказскими разбойниками пытались установить те, кто принадлежал к наиболее радикальным его разновидностям. На террористическую на-

правленность в их деятельности обращали внимание многие, занимавшиеся изучением явления исследователи[163], и она, безусловно, не подлежит сомнению. Месть Зелимхана, в частности, производилась в том числе против представителей своего народа, а иногда даже против целых обществ, отказывавших ему в помощи и содействии. Разбойники расправлялись с офицерами военной и полицейской службы, с приставами и начальниками округов, сельскими старшинами, честно исполнявшими свой долг перед соплеменниками и государством и т.д.[164].

Таким образом, складывавшиеся в отечественной историографии 20-х – начала 30-х гг. XX в. под влиянием авторов, которые описывали события в том числе на основе личных воспоминаний, представления о природе горского разбойничества отчасти соответствовали действительности. Необходимо признать, что оно вбирало в себя отдельные группы крестьянства, пользовалось в определенной степени поддержкой части местного населения, но не имело всего комплекса признаков, присущих аграрным движениям. Хотя их участники иногда пополняли те или иные разбойничьи отряды[165], последние, в целом, были оторваны от сельскохозяйственного производства и представляли из себя, как правило, замкнутые ограниченные по составу группы. Их намерения для большей части населения оставались неведомыми. В аграрных выступлениях, как видно на примере того же Зольского восстания кабардинских крестьян, участие принимали широкие массы с вполне понятными целями. Этой осбенностью также, в какой-то мере, объясняется неуловимость и безнаказанность разбойников после многочисленных случаев совершения уголовных преступлений.

В свете сказанного становится очевидным, что их деятельность нельзя идеализировать, как это делалось в предшествующие периоды развития знаний об этом явлении. В конце 20-х гг. XX в. была отснята даже и широко показывалась в кинотеатрах страны «Героическая киноповесть из истории Чечни в 6-ти частях», посвященная «крестьянской борьбе» Зелимхана[166]. В качестве «народного мстителя» запечатлен его образ и в одноименном романе чеченского писателя М. Мамакаева[167], версия которого создавалась под влиянием сложившихся в исторической науке в 60-е – начале 70-х гг. представлений, не отличавшихся, как уже констатировалось, по сути ничем от предшествующих суждений авторов 20-х – начала 30-х гг. Идеализация недопустима не только в данном случае, но и при оценке, как это делалось когда-то, крестьянских бунтов в России, революционных выступлений, так как это – экстремальный способ разрешения общественных и внутригосударственных противоречий. Недопустима лишь идеализация, сами же формы проявления протеста должны восприниматься как объективная реальность, которую невозможно изменить по прошествии времени и необходимо видеть такой, как она есть.

Изложенные факты показывают, что на Северном Кавказе разбойничество там на рубеже XIX-XX вв. обретало и некую сепаратистскую направленность, выражавшуюся в попытках выдавливания при помощи террора и хозяйственного разорения восточнославянского населения за пределы края и мести тем горским обществам, которые устойчиво придерживались российской ориентации. Данный сепаратизм не похож, безусловно, на другие разновидности изоляционистских устремлений и нуждается в специальном категориальном обозначении. Для этого возможности предпринятого комплексного исследования недостаточны.

Итак, подведем предварительные наиболее актуальные для современности итоги. На рубеже XIX-XX вв. Северный Кавказ продолжал оставаться зоной межконфессиального разлома, с существенно ослабленным, но сохранившимся цивилизационным тяготением к Востоку. Вместе с тем, он превратился в составную часть российского геокультурного и государственного поля, воздействие которого на происходившие в крае процессы было более действенным, чем влияние, исходившее из сопредельных стран. Эта интеграция охватила значительную часть населения, но не достигла полноты и завершения. Ряд горских и иных туземных обществ попрежнему сохраняли предрасположенность к сепаратизму и иногда, при отсутствии многоплановых продуманных мер, намечалась даже тенденция расширения границ этого явления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. – Нальчик, 1994. – С. 88-89.
2. *Умаханов М.-С.К., Алиев Б.Г.* Некоторые вопросы освещения борьбы горцев под руководством Шамиля: Подходы и итоги изучения, перспективы // Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы / Тез. докл. Межд. науч. конф. – Махачкала, 1998. – С.84-85.
3. См. об этом: *Матвеев В.А.* Переселение горцев в Турцию: Неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 4. – С. 34-45.
4. ЦГИА РГ. Ф.13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3.
5. *Тройно Ф.П.* Кавказская война и судьбы горских народов // Кавказская война: Уроки истории и современность / Мат-лы науч. конф. Краснодар, 16-18 мая 1994 г. – Краснодар, 1995. – С. 81-82.
6. Кавказ. – 1909. – 1(14) сент.
7. ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7-7-об; Кавказ. – 1909. – 23 авг. (3 сент.); – 26 авг. (8 сент.); – 27 авг. (9 сент.).
8. Цит. по: *Лурье С.В.* Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. – М., 1994. – Вып. 1. – С. 126.
9. *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания: 1894-1911 гг. – М., 1991. – С. 33.
10. Государственная дума: 3 созыв. Сессия 5. За-сед. 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.): Стенограф. отч. – СПб., 1912. – Ч. 4. – С. 2403-2408.
11. *Рамазанов А.Х.* Социально-исторические особенности края в 20-х – нач. 30-х гг. XIX в. // Газимухамед и начальный этап антифеодаль-ной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни / Мат.-лы междунар. науч. конф. 13-14 окт. 1993 г. – Махачкала, 1997. – С. 4.
12. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1551. Л.87.
13. *Раждаев П.Н.* Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 1925. – С. 88.
14. Россия: Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб. 1898. – Л., 1991. – С. 136.
15. РГВИА. Ф. 400. Оп.19. Д. 154. Л. 33.
16. Шамиль на Кавказе и в России: Биографич. очерк / Сост. М.Н. Чичагова. – СПб., 1889. – С. 89-100.
17. *Ксавье де Местер.* Кавказские пленники / Публ., коммент. и пер. с фр. Н.В. Забабуровой // Научная мысль Кавказа. – 1998. – № 3. – С. 61-62.
18. *Чичагова М.Н.* Указ. соч. – С. 60, 84; РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 1551. Л. 87.
19. Жизнь национальностей. – 1921. – 26 ноя.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 63-об, 166-об; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л.11; ЦГА РСОА. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 26-об. /Подсчет авт./.
20. Жизнь национальностей. – 1921. – 25 окт.
21. *Карпов Ю.Ю.* «Верхние» и «нижние»: К проблемам функционирования горских обществ Кавказа // Научн. мысль Кавказа. – 2000. – № 4. – С. 63.
22. Жизнь национальностей. – 1921. – 26 ноя.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 63-об., 166-об.; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 11; ЦГА РСО. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 26-об. /Подсчет авт./.
23. Цит. по: *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. – М., 1994. – С. 127.
24. 10 лет Советской Чечни. – Ростов-н/Д., 1933. – С. 7; *Газдиев А.М.* Асланбек Шерипов в революционном движении Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1941. – С. 25.
25. *Вершигора А.Д.* О взаимодействии адыгов и русских в военных вопросах после Кавказской войны // Кавказская война: Уроки истории и современность / Мат-лы науч. конф. г. Кранодар. 16-18 мая 1994 г. – Краснодар, 1995. С. 223.
26. *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис, 1907. – Т. 2. – С. 75.
27. Там же.
28. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 32-об–33-об.
29. *Шпрингер Р.* Национальная проблема: Борь-ба национальностей в Австрии / Пер. с нем. – СПб., 1909. – С. 91.
30. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 32-об–33-об.
31. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 627. Л. 130, 135.
32. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – СПб., 1913. – С. 9-10.
33. Жизнь национальностей. – 1919. – 21 сент.
34. Государственная дума: Стенографические от-четы. Созыв 2. Сессия 1. Заседания 19-38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.) – СПб., 1906. – Т. II. – С. 1038.
35. *Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С.* Националь-ный вопрос в программах и тактике политических партий в России: 1905-1917 гг. – М., 1976. – С. 35; *Шафранов В.П.* К вопросу о формировании адыгейской социалистической народности // Из истории партийной организации Адыгеи. – Ростов н/Д, 1976. – С. 31.
36. Кавказ. – 1907. – 9 июня.
37. РГИА. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 257, 361.
38. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова… – С. 4.
39. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 222,229,252.
40. *Мужев И.Ф.* Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа: 1900-1914 гг. – Нальчик,1965. – С. 22.
41. *Вершигора А.Д.* Указ. соч. С. 224.
42. Жизнь национальностей. – 1919. – 27 апр.
43. Очерки истории Дагестана. – Махачкала, 1957. – Т.1. – С. 363; *Вершигора А.Д.* Указ. соч. – С. 224; *Мужев И.Ф.* Указ. соч. – С. 23.
44. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 32-об–33-об.
45. *Лихолат А.В.* Анализ исторического опыта борьбы против национализма. – М.,1986. – С. 48.
46. *Вершигора А.Д.* Указ. соч. – С. 225; Очерки истории балкарского народа: С древнейших времен до 1917 г. – Нальчик, 1961. – С. 147; *Марков А.Л.* В ингушском Конном Полку: Кавказская Конная Туземная Дивизия /(Б/и.: Париж, 1957). – М., 1997. – С. 13; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 32-об.
47. *Минц И.И.* История Великого Октября: В 3-х т. – М., 1967. – Т. 1. – С. 410.

48. Терский вестник. – 1917. – 16 июля; *Вершигора А.Д.* Указ. соч. – С. 226; *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920. – М., 1990. – С. 190,193.
49. *Копчев Г.И.* Турецкое «наследство» и мировая война. – Пг., 1917. – С. 19-20; *Миллер А.Ф.* Оттоманская империя: Султанская Турция. – М., 1946. – С. 48.
50. *Ошаев Х.* Очерк начала революционного движения в Чечне. – Грозный, 1927. – С. 10-11; Очерки истории Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1969. – С. 32.
51. Терские ведомости. – 1915. – 13 окт.
52. ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 86. Л. 125, 143.
53. Дагестанские ведомости. – 1914. – 7 дек.
54. ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 86. Л. 90-х-об.
55. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 169,237; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 13-17; Оп. 2. Д. 1505. Л. 24-об.; Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 г. – Екатеринодар, 1916. – С. 14; Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. / По данным Ставропольского губерн. статист. ком. – Ставрополь, 1915. – С. 12; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 169,237 /Подсчет авт./.
56. ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 212.
57. Жизнь национальностей. – 1919. – 21 сент.
58. *Калмыков Б.Э.* Страничка революционной борьбы в Кабарде // Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1981. – С. 23, 25; ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 212.
59. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5, 9-10; Жизнь национальностей. – 1920. – 7 нояб.
60. Василевский К. Ислам на службе контрреволюции. – М., 1930.– С. 27.
61. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 17-об–18; РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61850. Л. 2-об–3; Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 52-53.
62. *Ошаев Х.* Указ. соч. – С. 10.
63. *Хасбулатов А.И.* Этнодемографические процессы и территория Чечни: Вторая пол. XIX – нач. XX в. // Науч. мысль Кавказа. – 2000. – № 1. – С. 89.
64. *Гаджиев А.Г.* Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. – Махачкала, 1963. С. 62; ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 1; *Ошаев Х.* Указ. соч. – С. 10.
65. Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия, Россия, Германия / Под ред. А.И. Кастелянского. – СПб., 1910. С. 566.
66. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана: 1917-1918 гг.: Горская республика: 1918-1920 гг. / Док. и матер. – Махачкала, 1994. – С. 359.
67. ОРФ СОНИИ ИЭФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 1; РГВИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147. Л. 172.
68. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. – С. 211, 131-132.
69. *Гальцев В.С.* Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860-1870 гг. // Изв. СОНИИ. – Орджоникидзе, 1956. – Т. 18. – С. 129.
70. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4171. Л. 7; Ф. 970. Оп. 1. Д. 1744. Л. 31.
71. Дагестанские ведомости. – 1913. – 7 янв.
72. Жизнь национальностей. – 1919. – 21 сент.; *Шульгин В.В.* Указ. соч. – С. 263.
73. Всеподданнейший отчет за восемь лет генерал-адъютанта Воронцова-Дашкова… – С. 9.
74. *Гаджиев А.Г.* Указ. соч. – С. 42; *Невская В.П.* Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпо-ху империализма. – Черкесск, 1972. – С. 136.
75. *Буркин Н.Г.* Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. – Ростов- н/Д., 1931. – С. 18.
76. *Мужев И.Ф.* Указ. соч. – С. 128.
77. *Покровский М.Н.* Избранные произведения в четырех книгах. – М., 1967. – Кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. – С.524.
78. Государственная дума: Стенографические отчеты. Созыв 2. Сессия 1. Засед. 19-38 /с 1 июня по 4 июля 1906 г./. – СПб., 1906. – Т.II. – С. 1038.
79. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: В 2-х т. – Грозный, 1967. – Т. 1. С. 169.
80. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 27–27-об.
81. ЦГИА РГ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.
82. *Авторханов А.* Империя Кремля: Советский тип колониализма. – Вильнюс, 1990. – С. 65.
83. Государственное совещание // Архив Октябрьской революции: 1917 г. в документах и материалах / Под ред. М.Н. Покровского. – М.,Л., 1930. – С. 178, 181.
84. *Тишков В.А.* Феномен сепаратизма // Федерализм. – 1999. – № 3; *Заурбекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2000. – № 135 и др.
85. *Гриценко Н.П.* Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на ру-беже XIX-XX вв. – Грозный, 1971. С. 7; *Шерипов А.* Статьи и речи: Сб. / Изд. 2-е, испр. и доп. – Грозный, 1972. С.67.
86. *Бурин С.Н.* Григорий Котовский: Легенда и быль. – М., Смоленск, 1999. – С. 6, 63.
87. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5.
88. *Янчевский Н.Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. – Ростов-н/Д., 1927. – Т. 1. – С. 107.
89. *Буркин Н.Г.* Указ. соч. – С. 12.
90. *Скачко А.* Дагестан. – М., 1931. С. 57.
91. *Рогов А.* О потомках Шамиля, Хаджи-Мура-та, Зелимхана и Асланбека Шерипова: Историко-литературный набросок // Революция и горец. – Ростов-н/Д., 1932. – № 6-7. – С. 96.
92. *Мужев И.Ф.* Указ. соч. – С. 120; *Коренев Д.З.* Революция на Тереке: 1917-1918 гг. – Орджоникидзе, 1967. С. 20; *Гриценко Н.П.* Указ. соч. – С. 8.
93. *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С.13.
94. Шамиль на Кавказе и в России: Биографич. очерк / Сост. М.Н. Чичагова... – С. 183.
95. Терский вестник. – 1917. – 5 авг.
96. АКАК. – Т. 5. – С. 1496.
97. Стенографические отчеты: Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153 /с 30 апреля по 9 июня 1912 г. – СПб., 1912. – Ч.4. – С. 2391; *Буркин Н.Г.* Указ. соч. – С.11.
98. *Шерипов А.* Указ. соч. – С. 67.
99. Стенографический отчет: Государственная ду-ма. 3 созыв. Сессия 6. Засед. 138. 23 мая 1912 г. – Ч.4; *Мужев И.Ф.* Указ. соч. – С. 117.
100. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1744. Л. 31.
101. *Буркин Н.Г.* Указ. соч. – С. 11-12; *Шерипов А.* Указ. соч. – С. 67.
102. Стенографические отчеты: Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.) – Ч. 4. – С. 1619, 1636, 1639.
103. Там же. – С. 1632.
104. Жизнь национальностей. – 1919. – 3 авг.; Там же. – 1920. – 29 фев.
105. *Бурин С.Н.* Указ. соч. С. 62-63.
106. Стенографические отчеты: Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.)… – Ч. 4. – С. 1632.

107. Шамиль на Кавказе и в России: Биографич. очерк / Сост. М.Н. Чичагова… – С. 89-100.
108. Стенографические отчеты: Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153. (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.)… – Ч. 4. – С. 1631.
109. *Дегоев В.* Имам Шамиль и технология властвования: Истор.-биографич. очерк // Россия: XXI в. – 1998. – № 5-6. – С. 14.
110. *Ошаев Х.* Указ. соч. – С. 7-9.
111. Стенографические отчеты: Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153. (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.)… – Ч. 4. – С. 1638-1639.
112. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. – Грозный, 1967. – Т. 1. – С. 217.
113. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 581. Л. 3–3-об.; 29–29-об.; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л.1–1-об.
114. Шамиль на Кавказе и в России: Биографич. очерк / Сост. М.Н. Чичагова... – С. 52, 60.
115. *Дзидзоев В.Д.* Национальные отношения на Кавказе. – Владикавказ, 1995. – С. 72.
116. *Эсадзе С.* Указ. соч. – С. 73-74.
117. *Напсо Д.А., Чекменев С.А.* Надежда и доверие: Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. – Черкесск, 1993. – С. 79, 98.
118. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4617. Л. 40.
119. *Раждаев П.Н.* Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавка-зе. – Ростов-н/Д., 1925. С. 68; *Эсадзе С.* Указ. соч. С. 73-74.
120. *Виноградов Б.В.* Деятельность генерала П.Д. Цицианова в контексте основных тенденций российско-северокавказских отноше-ний первой половины XIX в. // Проблемы истории Северного Кавказа / Сб. науч. ст. – Краснодар, 2000. – С. 92.
121. *Бутаев К.* Политическое и экономическое положение Горской республики. – Владикавказ, 1921. – С. 32; Первая всеобщая перепись населения Российской империи:1897 г. – СПб., 1905. – Т. 62. – С. 76-77; – Т. 65. – С. 60-61; – Т. 67. – С. 42-43; – Т. 68. – С. 58-59; – СПб., 1903. – Т. 70. – С. 30-31; Кавказский календарь на 1917 г.: Отдел статистический. – Тифлис, 1916. – С. 190-237; Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. – Ставрополь, 1915. С.12; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 11; Д. 1939. Л. 252; ЦГА РСОА. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 26-об. /Подсчет авт./.
122. ГАКК. Ф. 454. 0п. 2. Д. 839. Л. 1.
123.Терские ведомости. – 1893. – 5 дек.; Кавказ. – 1906. – 8 февр.; Горская беднота. – 1920. – 12 сент.; Жизнь национальностей. – 1920. – 2 дек.; Там же. – 1922. – 19 мая; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62280. Л. 6–об-7; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1744. Л. 31-об; Ф. 14257. Оп. 3. Д. 278. Л. 25, 29; ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 32-33. /Подсчет авт./.
124. Цит. по: *Цораев М.М.* Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1913 г. – Нальчик, 1963. – С. 23-24.
125. *Константинов О.А.* Северный Кавказ: Северо-Кавказский край и Дагестан. – М.,Л., 1930. – С. 46.
126. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1, 40.
127. *Цаголов Г.* Край беспросветной нужды: Заметки о Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1912. – С. 2-4.
128. *Ратгаузер Я.А.* К истории гражданской вой-ны на Тереке. – Баку, 1928. – С. 101.
129. *Цагалов Г.* Указ. соч. – С. 3-4.
130. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 178; Кавказ. – 1908. – 24 дек.; Дагестан. – 1918. – 22 ноя. /5 дек./; *Алиев У.* Карачай. – Ростов-н/Д., 1927. С. 56. /Подсчет авт./.
131. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 593. Л. 37.
132. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 7-об–8.
133. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 593. Л. 110; История Северо-Осетинской АССР. – М., 1959. – Т. 1. – С. 302.
134. ЦГА РСОА. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 1-об–2.
135. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 593. Л. 110.
136. Там же. Л. 110-об; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 252. (Подсчет авт.).
137. *Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С.* Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905-1917 гг. – М., 1976. – С. 116.
138. РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147. Л. 177-177-об.
139. *Туманов Г.М.* Земельные вопросы и преступность на Кавказе. – СПб., 1901. – С. 63.
140. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 776. Л. 3-13.
141. *Калмыков Б.Э.* Страничка революционной борьбы // Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1981. – С. 23-25; Такоев С. К истории революционного движения на Тереке: По личным воспоминаниям // Изв. Осетин. науч.-исслед. ин-та крае-ведения. – Владикавказ, 1926. – Вып. 2. – С. 312.
142. *Цораев М.М.* Указ. соч. – С. 24.
143. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 84-86.
144. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4200. Л. 22-об, 33; Кубанский сборник на 1916 г. – Екатеринодар, 1916. – Т. 21. – С. 40.
145. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 84-86.
146. Там же. Д. 716. Л. 349-об-350.
147. ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 2069. Л. 35-об.
148. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49219. Л. 32-об-33; Д. 74263-а. Л. 29-29-об; ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.
149. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 593. Л. 36-об.
150. Там же. Д. 1. Л. 86.
151. ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 332. Л. 1-20.
152. *Алиев У.* Карачай. – Ростов-н/Д, 1927. – С. 141; *Кокиев Г.А.* Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть: 1917-1921 гг. – Нальчик, 1946. – С. 17-18; История Дагестана. – М., 1968. – Т. 2. – С. 278, 280.
153. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 266. Л. 2-3.
154. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 130. Л. 81; ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 332. Л. 1-20.
155. Стенографические отчеты: Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.)... – Ч. 4. – С. 1630-1631.
156.Терский вестник. 1917. 1 окт.; Жизнь национальностей. – 1920. – 29 фев.
157. ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 25; Жизнь национальностей. – 1920. – 1 янв.
158. ГАРФ. Ф. 110. Оп. общ. Ф. 488. Л. 2–2-об; Оп. 1. Д. 545. Л. 30; Д. 581. Л. 35–36-об.
159. Стенографические отчеты: Государственная дума. 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.)... – Ч. 4. – С. 1631.
160. Там же. – С. 1631.
161. *Гриценко Н.П.* Указ. соч. – С. 7.
162. История политических партий России / Думова Н.Г., Грофеев Н.Д., Тютюкин С.В. и др. / Под общ. ред. Зевелёва А.И. – М., 1994. – С. 199, 203-206, 210; История России: Учебный словарь-справочник / Под ред. Блохина В.Ф. – Брянск, 1996. – С. 10-11.
163. Рогов А. Указ. соч. С. 96; Скачко А. Указ. соч. – С. 52-53 и др.
164. ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 25.
165. *Ошаев Х.* Указ. соч. – С. 79.
166. Нахчо. «Зелимхан»: Героическая киноповесть из истории Чечни в 6-ти частях // Революция и горец. – 1929. – № 9. – С.76.
167. *Мамакаев М.* Зелимхан: Роман. – Грозный, 1971.